

Шулешко Е.Е., Ершова А.П., Букатов В.М. Социо-игровые подходы к педагогике. / Е.Е. Шулешко, А.П. Ершова, В.М. Букатов. – Красноярск, 1990. – 118 с.

Отрывок из раздела «Особенности социо-игрового стиля в педагогике», стр. 6-9

Каждому занимающемуся театральной педагогикой хорошо известно упражнение со стульями. Оно используется для тренировки у будущих актёров собранности внимания к партнёрам, чувства слаженности, коллективизма. Выполняют его во всех театральных ВУЗах, училищах и во многих детских театральных студиях. В книге С. Гиппиус «Гимнастика чувств» (М.-Л., 1967) дано описание этого упражнения. Приведём его в сокращении:

По хлопку педагога все одновременно меняются местами со своими стульями.

Сначала – без ограничения времени. Потом по счёту.

– Распределите так свои движения, чтобы без суеты уложиться в назначенное время. Стулья не должны сталкиваться! Ни одного звука в аудитории, ни одного скрипа! Представьте себе, что вы делаете перестановку декорации на сцене в короткой паузе между картинами. Зрители не должны слышать шума (с. 62-63).

Далее идёт тренинг, и когда из-за невнимательности одного всем приходится ещё и ещё раз повторить упражнение, то атмосфера раздражения к нерадивому товарищу довольно быстро накаляется, что по предложению педагога и способствует перевоспитанию невнимательного студента или студийца. В таком виде данное упражнение явно опирает театральную педагогику на механическую дисциплинированность.

В социо-игровом варианте оно выглядит иначе. Учитель непринуждённо объясняет задание: «После сигнала «Приготовились! Пожалуйста!» все одновременно, бесшумно и молча встают, берут в

руки стулья и выстраиваются со стульями в руках в полукруг (варианты: круг, треугольник, буква «А», цифра «6» и т.д.). Как только все нашли себе место, сразу быстро и одновременно ставят стулья и садятся».

Детям задание на первый взгляд кажется несложным. Они встают, берут с шумом стулья, начинают передвигаться, но тут звучит сигнал педагога: «Замри!». Все замирают – и по застывшей картинке детям становится видно, что кто-то ещё не встал, кто-то ещё не поднял стул, а кто-то, наоборот, уже поставил свой стул на «нужное», по его мнению, место. Благодаря «замри» дети легко сами определяют «выскочек» и «сонь». Звучит сигнал «отомри»; все возвращаются на место с уверенностью, что уже сейчас-то они всё сделают одновременно, ведь это ничего не стоит. И действительно, основная масса в своём поведении начинает ориентироваться на других (у детей это называется «думать о других»), но все же некоторые дети постоянно или эпизодически попадают то в один разряд, то в другой. «Выскачка» после нескольких неудач может «напрячься» и изо всех сил постараться выполнить задание вместе со всеми, в результате, к своему удивлению, опаздывает и оказывается в разряде «сонь».

Неожиданно для себя дети в лёгком задании обнаружили трудности. Если бы педагог с самого начала дал задание не как лёгкое, а зная типичные ошибки, именно как трудное и специально подчеркнул бы эту трудность и разъяснил её, то, навязанная со стороны взрослого, она пугала бы тех детей, собранность у которых еще не натренирована. Тогда ошибка, то есть невнимательность, гипнотически повторялась бы из раза в раз, укрепляя нечто противоположное — неуверенность в себе. Когда же трудность открывается детьми самостоятельно — то у них естественным образом возникает ценное желание справиться с ней. Этим объясняется тот азарт, с которым дети при социо-игровом подходе к

занятиям выполняют это упражнение. Задача педагога следить за дозировкой, не допускать переутомления азартом, вовремя предлагая детям другой вид деятельности.

Через несколько занятий дети добиваются достаточной одновременности в действиях. И вот на одном из занятий опять неожиданно для исполнителей в середине упражнения звучит сигнал педагога: «Стоп! Разговоры!». «Мы не разговаривали», — искренне недоумевают исполнители. И действительно, они не помнят, что три секунды назад они отнюдь не молча, искали место для себя в заданной фигуре (круг, полукруг, буква, цифра). Точнее: вместо того, чтобы молча искать место для себя среди других, они громко расставляли других вокруг себя, то есть навязывали окружающим свои представления, где, как и кому нужно «правильно» расположиться. А когда в совместной работе несколько человек начнут навязывать друг другу свое мнение, начнут борьбу «за правду», то ни о какой слаженности и речи быть не может. Для многих детей, так же, как и для многих взрослых, автоматизм командовать словом, жестом, подбородком, локтем, бедрами столь привычен, что они этого не замечают за собой. Поэтому остановка упражнения педагогом вызывает у них искреннее удивление и даже возмущение.

Тогда педагог делит класс на группу «исполнителей» и «судей». Задача — «судей» — отмечать всякую словесную команду среди «исполнителей». Теперь, когда не педагог, а дети останавливают упражнение, указывая, кто кому и что сказал, их товарищам поневоле приходится задуматься и внимательно присмотреться к своим действиям. Позы «исполнителей» и «судей» поочередно осваиваются детьми, то есть они поочередно меняются ролями. Ребенку легче заметить типичные недостатки в поведении, являясь наблюдающим в роли судьи, и потом уже под пристальным и азартным вниманием друзей попробовать самому избежать их.

Кто-нибудь из судей обязательно обратит внимание на то, что один из исполнителен, хотя и не произносил слова, но пытался своими движениями подавать команды, то есть навязывал своё мнение, а не искал себе место среди других. Тогда исполнители начинают еще тщательнее контролировать своё поведение. Отметим, что внимание и строгость ни одного педагога не могут сравниться с внимательностью и строгостью «коллективного судьи». Педагогу остается лишь следить (как координатору) за тем, чтобы строгость не переходила в придирчивость, которая при общем энтузиазме и азарте может серьезно повредить и выполнению упражнения, и последующему ходу занятия.

Читатели, вероятно, заметили отличие стандартного проведения упражнения со стульями в театральной педагогике от проведения его по социо-игровой методике. Оно прежде всего в том, что педагог снимает с себя судейство и передает его самим детям. Сначала во время «замри», у каждого ребенка появилась реальная возможность самому судить о своём поведении. Затем эта возможность была усилена делением детей на две группы, поочередно выступающих то «судьями», то «исполнителями». Самооценивание результата превратило упражнение в увлекательную игру для самих себя. Беда всех дидактических игр обычной педагогике заключается в том, что они не только начинаются и заканчиваются, но и протекают по команде учителя. Сами дети в них выступают как страдательное начало и не получают собственного удовольствия, которое является главным условием любой игры.